

Моррисон Джим

30.07.2003

НАШ СЕРИАЛ

ЗНАМЕНИТЕ ГРЕШНИКИ

Пожалуй,
самая

знаменитая песня

Джима Моррисона

«Common, Baby, Light My

Fire» («Зажги меня, детка»).

Но Джим был таким, что его и разжигать-то особо не надо было. Он сам всех зажигал, заставляя шевелиться.

И при этом все время
думал
о смерти.

ДЖИМ МОРРИСОН – ШАМАНСКАЯ ПЛЯСКА СМЕРТИ

Арина РОМАНОВА

Джимми-шаман

Маленький мальчик, ему только исполнилось четыре, и он впервые едет на заднем сиденье пикапа по пустыне, утыканной кактусами. Мексика. Пикап резко тормозит, и он видит, как в нескольких метрах грузовик с работами индейцами разбивается вдребезги, врезавшись в единственную встречную машину. Что это? Злой рок? Судьба? Вместо тел – кровавое месиво и бесформенная груда на дороге. Ехать дальше невозможно. Родители беспомощно выходят на дорогу. Мальчик как парализованный сидит на заднем сиденье. Впервые в своей жизни он видит смерть. Впервые он до внутренней боли, до тошноты чувствует ее запах. Мальчика звали Джим. Джим Моррисон.

Потом Джим – солист мировой рок-группы «Дорз» – вспоминал, что духи погибших индейцев в тот далекий день вселились в его душу.

Может быть, Моррисон придумал эту трагически красивую историю специально для журналистов. Ребенок вряд ли четко мог запомнить свои ассоциации. Тем более что Моррисон был в среде рокеров известным эрудитом. И хорошо знал не только верования и культуры индейцев (и по литературному вспоминанию у Карлоса Кастањеды в том числе), но и философию (особенно любил Ницше – «Рождение трагедии из духа музыки»), и литературу битников. Так или иначе, но Джим всерьез считал себя продолжателем шаманства-колдовства древних индейцев. А среди прочего Джим увлекался в юности еще и психологией. И эксперименты ставил на собственных родителях. Видя, что мамашу-домохозяйку раздражают его постоянные отлучки из дома, зависание до утра в барах и злоупотребление спиртным, Джим активно стал культивировать этот «богемный образ» жизни.

Ключ – «кислота»

Калифорния – американский рай – манил наивные души. Джим подрос и тоже перебрался поближе к солнечику и морю возможностей. Так ему казалось. И поступил в университет, на отделение кинематографии. Стартовый студент активно втыкался в книжки. Только вот совсем не в те, что советовали профессора. А между делом расширял кругозор, пробуя новомодную «кислоту». Была середина 60-х. Жизнь в Лос-Анджелесе бурлила и переливалась всеми красками. По улицам бродили толпы хиппи. ЛСД даже еще не находилось под запретом и открыто продавалось в престижных кварталах. Тогда продвинутые личности называли ЛСД ответом на все вопросы, раскрывающим аспекты человеческой личности. Под этими вольными калифорнийскими ветрами скрытые таланты Джимми тут же раздулись до невероятных размеров.

Обдолбанный Джим вместо лекций ходил по побережью, всматривался в морскую даль и напевал. «Внутри себя я слышал настоящий концерт. Там пела рок-группа и шумела публика. Первые пять или шесть песен я написал, просто перенеся на бумагу то, что слышал в фантастическом рок-концерте у меня в голове». Так Джим распрошался с мечтой стать режиссером. Им завладела одна навязчивая идея – спеть то, что открылось ему, как казалось, «откровением свыше».

Чтобы раскрыть «двери восприятия» Моррисон посадил себя на регулярные дозы психотропных веществ. Он стал рассматривать музыку как способ проповедовать новую религию «самости», когда каждый человек уподобляется Богу. Группу Джим так и называл – «Дорз», памятуя о «Дверях в иные миры» Кастањеды. «Есть вещи, которые вы знаете, и есть то, что от вас скрыто. И между ними есть двери. И эти двери – мы».

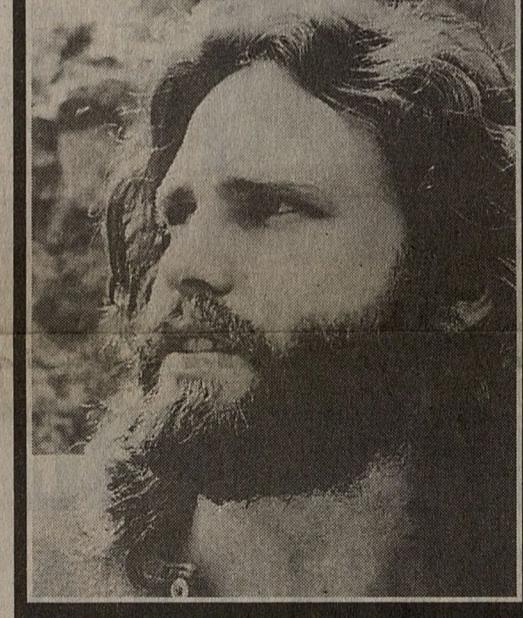
Джим сам себе удивлялся. Как все у него ладно получалось. Покурит травку, засел таблеточкой, отвалился тихонечко к стеклам в студии. А как в голове зазвучала очередная песня, можно тут же ее и записывать. «Дорз» стала популярной группой в продвинутых рок-клубах Л.А.

Двери на сцене

Когда дело дошло до концертных выступлений, тут Джиму не было равных. Еще со времен университета Моррисон выдумал свою рок-философию. «Америка

ПЛЯСКА СМЕРТИ

рождалась в насилии. Насилие притягивает американцев. Оно у нас в крови. Американцы привыкли употреблять дозы препарированного насилия, как хот-доги. Этого они и хотят от рока». Чтобы избавить «несчастных» от фрейдистских комплексов, Джим матерился со сцены, устраивал стриптиз, поджигал оборудование и в порыве всепоглощающего очищающего огня спрыгивал со сцены прямо в толпу разгоряченных фанатов.

Тогда, окрыленный марихуаной и ЛСД, Джим ощущал себя индейским шаманом и, попирая границы дозволенного, цеплялся руками и зубами за занавес и лез вверх, балансировал на краю сцены... В середине песни он мог вдруг поднести палец к губам, — все замирали в ожидании, что же сейчас выкинет их идол. Это было театром импровизации. Джим находил придумывал стихи и новые песни, доводил зал до экстаза. На концерте в Чикаго в 1968 году зрители в катарическом порыве разгромили сцену и едва не перебили друг друга. Досталось даже полицейским. А Джим называл этот бедлам «исследованием пределов реальности». «Я хочу испытать в жизни все. По крайней мере, один раз!» — говорил Моррисон, садился за руль авто и несясь двести по встречной. Шел на таран. А если ему случалось быть пешеходом, после того, как полицейские в очередной раз отбирали у него права, то переходил дорогу Джим начинал только после того как светофор открыл движение машинам. А на все чертыхания водил гордо демонстрировал им средний палец и голую задницу.

Я хочу умереть во сне, или в старости, или от передозировки. Я хочу почувствовать, что такая смерть, попробовать ее на вкус, ощутить ее запах. Смерть дается только однажды. Я не хочу пропустить ее.

Джим МОРРИСОН

Станция – Амстердам

Во время европейского турне в Амстердаме Моррисон с утра посетил местные достопримечательности – кафе-шопы разных мастей и расценок, где хорошенько скрасил хмурость осеннего утра забористой травкой. А потом, поддавшись на уговоры фаната, узнавшего в прибалдевшем в туалете американца своего кумира, Джим решил поэкспериментировать еще и с местной «кислотой». Моррисона так разбрало, что еще до начала шоу он вылез на сцену на разогреве, стал прыгать и орать до тех пор, пока там же и не свалился. Фанам казалось, что замерзло. Джима увезли на «скорой», а группа продолжала турне уже как трио. Голландские медики популярно обясняли гуляке, корчившемуся на больничной койке в судорогах и молившему о морфии, что у него помимо сердечной недостаточности, скоро может отказать печень. И если он не бросит пить и принимать наркотики, то может уже сейчас заказывать гроб.

Но в аэропорту «на посошок» кто-то из поклонников подарил Моррисону гашиш. Растиранный кумир не мог отказаться, но он уже опаздывал на самолет. Тогда Джим не нашел ничего лучшего, как проглотить «улику» прямо перед таможенным контролем. В самолете он вновь попал в полу коматозное состояние.

Приди в себя и вернувшись в Нью-Йорк, Джим предстал страшной депрессии. Он был твердо убежден, что рок-концерт должен представлять ритуал, «замкнутое пространство, кольцо жизни и смерти, и исполнять музыку – единственная игра, которой я владею». Джиму нравилась избранная им роль шамана: «Молодежь – это будущее. Мои слушатели, как чистые листы, а я – чернила».

Станция – смерть

Но такую захватывающую рокерскую жизнь Моррисон вел недолго. Через пять лет наркотики, алкоголь, постоянный стресс сделали свое дело. На концертах в Далласе и Новом Орлеане в 1970 году Джим стал безумно уставать. Из «бога-энерджайзера», заводящего и ведущего за собой зал, он превращался в тряпку. Вис на микрофонной стойке, злился, швыряя со сцены в зал бутылки из-под виски. А потом, обессиленный, садился на сцену и плакал.

Его мучило предчувствие смерти. От прежней беззаботности не осталось и следа. То, о чем он когда-то мечтал, исполнялось полностью. Он стал в один ряд с Джимми Хендриксом и Дженис Джоплин.

Чтобы как-то вернуть силы, Джим попробовал кокайн и, верный себе, стал принимать его в огромных количествах. По-прежнему много пил. Тут же и ребята из группы, раньше не обращавшие внимание на состояние своего лидера, забеспокоились. Чтобы Джим со своей подругой уехали в Париж на отдых, отменили концерты. Все равно Моррисон не мог петь. А в это время по Штатам стали расползаться слухи. Кто говорил, что Моррисон попал в сумасшедший дом, кто-то из журналистов написал, что Джим стал жертвой аварии и ему ампутировали ноги, кто-то говорил, что он решил свести счеты с жизнью и вскрыл себе вены.

И Джим действительно умер. Только чуть позже. Об этом полицейским и поклонникам «Дорз» по всему миру рассказала подружка Джима — Пэм, верная соратница рок-звезды на протяжении пяти лет. И сведения эти можно было бы назвать достоверными. Если бы Пэм сама не была героиновой наркоманкой.

Памела вспоминала, что в последние дни жизни Джим мучился сильными желудочными болями. Он был слаб, не мог ходить, его постоянно тошило. Чтобы облегчить страдания, Памела решила поделиться с Джимом своим героином. В ту роковую ночь 3 июля 1971 года она дала Джиму небольшую дозу, чтобы он мог заснуть. Боль успокоилась, но к утру наступили изматывающие приступы кашля. Джим решил принять ванну. Пока он добирался до ванной, его несколько раз вырвало сгустками крови. Одурманенная Памела и не подумала звонить врачу, а Джим, видимо, чувствовал, что с ним все уже кончено. Из последних сил залез в ванну, притих, попросил оставить его одного. На утро Джим Моррисон был найден мертвым. По официальной версии, смерть наступила в результате сердечной недостаточности.

